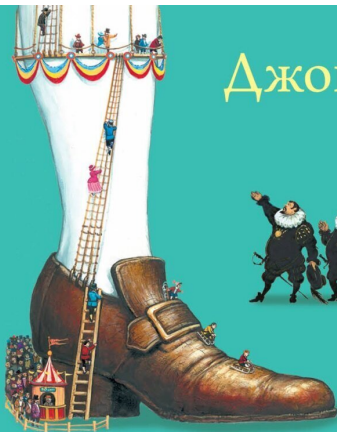

Джонатан Свифт

Гулливер в стране лилипутов

#эксмогештвo

Джонатан Свифт
Гулливер в стране лилипутов
Серия «Самые любимые
книжки (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11818006
Гулливер в стране лилипутов: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-112455-7*

Аннотация

Захватывающая история о приключениях отважного моряка Лемюэля Гулливера в удивительной стране Лилипутии. Красочные, подробные иллюстрации Андрея Симанчука помогут в деталях увидеть всю историю пребывания Человека-Горы среди маленьких человечков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвёртая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джонатан Свифт

Гулливер в стране лилипутов

Глава первая

Лемюэль Гулливер, судовой врач и искатель приключений, после кораблекрушения попал в плен и подвергся обстрелу

Мой отец владел небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти его сыновей. Когда мне минуло четырнадцать лет, он отправил меня в Кембриджский университет, где я с головой погрузился в учёбу. К сожалению, отец мой был небогат и не смог полностью оплатить моё образование. Через три года мне пришлось оставить Кембридж и отправиться в Лондон, чтобы продолжить обучение у выдающегося хирурга Джеймса Бэйтса. Я провёл в Лондоне четыре года и изучил всё, что требовалось знать младшему военному врачу. Отец время от времени присылал мне небольшие суммы, которые я тратил на приобретение книг по математике и навигации. Эти науки были необходимы путешественникам, а я уже давно решил, что рано или поздно увижу весь мир.

Спустя четыре года я вернулся домой, но вскоре отправился в Лейден, в Голландию. Там я около трёх лет изучал физику, так как был уверен, что это обязательно пригодится мне в долгих странствиях, а затем три с половиной года служил судовым врачом. После нескольких плаваний, в которых я побывал, я решил поселиться в Лондоне. Мистер Бэйтс порекомендовал меня нескольким своим пациентам, так что у меня появилась собственная небольшая практика. Я снял квартиру на Олд-Джеври-стрит и вскоре женился на мисс Мэри Бёртон, которая принесла мне четыреста фунтов приданого.

Но два года спустя мой добрый ангел мистер Бэйтс внезапно скончался. Друзей у меня было немного, а врачебная практика приносила всё меньше и меньше дохода. Посоветовавшись с женой и немногочисленными приятелями, я решил снова отправиться в плавание.

В должности судового врача я прослужил шесть лет. Природа наградила меня высоким ростом и отменным здоровьем, поэтому тяготы долгих странствий на мне не сказывались. Когда выпадали минуты отдыха, я много читал и старался изучить обычаи и языки тех народов, к которым нас заносила судьба. С детства я обладал прекрасной памятью, и мне было достаточно провести среди чужого народа пару недель, чтобы начать понимать новый язык и суметь на нём объясниться.

Самое замечательное плавание, которое навсегда осталось в моей памяти, началось 4 мая 1699 года. Наш корабль «Антилопа» вышел из Бристоля и направился к южным морям. Поначалу всё шло прекрасно, но у самых берегов Ост-Индии «Антилопа» попала в страшный шторм. Беспощадный ветер безостановочно гнал её всё дальше и дальше, как нам казалось, к северо-востоку от Земли Ван-Димена. В густом тумане наш корабль наскочил на рифы и разбился. Мне и пятерым моим товарищам удалось спустить на воду шлюпку, мы налегли на вёсла и успели отойти от скалы и тонущего корабля. Но уже через полчаса наша шлюпка была перевёрнута мощной волной.

Не знаю, что стало с моими товарищами по несчастью. Я плыл куда глаза глядят, то и дело пытаюсь нащупать ногами дно, и наконец коснулся земли. Я был спасён! Примерно милю я шёл вброд и только часам к восьми вечера выбрался на берег. Нигде не было видно ни людей, ни жилья, хотя, возможно, я просто слишком устал, чтобы замечать хоть что-то. Пройдя ещё около полумили вглубь берега, я бросился на мягкую траву и тотчас заснул.

Я проспал примерно девять часов и проснулся, когда было уже совсем светло. Я хотел подняться, но внезапно понял, что не могу даже пошевелиться. Я лежал на спине; мои руки, ноги и даже длинные волосы были крепко-накрепко привязаны множеством крепких шнурков к вбитым в землю кольшкам; такие же тонкие, но прочные шнурки опутали всё моё тело.

Послышались неясные звуки, но я не мог посмотреть, откуда они доносились. Вдруг что-то пробежало по моей ноге, затем по груди и взобралось на самый подбородок. Опустив глаза, насколько было возможно, я увидел, что это маленький человечек, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелами в руках и колчаном за спиной! Вслед за ним по мне карабкались ещё по меньшей мере сорок таких же существ. В крайнем изумлении я вскрикнул, и они в ужасе кинулись в разные стороны (как я узнал позже, некоторые из них попадали с меня на землю, сильно ушиблись и долго болели). Однако вскоре они вернулись, и один из них, самый отважный, приблизившись к моему лицу, вскинул вверх руки и закричал пронзительно, но отчётливо: «Гекина дегуль!» – и остальные повторили за ним эти слова.

Приложив немалые усилия, я смог, наконец, высвободить левую руку и немного повернуть голову вправо. Маленькие человечки, окружавшие меня, с пронзительными криками бросились врассыпную, словно стая испуганных птиц. Но в тот же миг кто-то закричал: «Только фонак!» – и словно целая сотня комаров впилась мне в руку. Разумеется, это были не комары, а стрелы. При следующем залпе несколько стрел попали мне в лицо, хоть я и прикрывал его ладонью. Человечки кололи меня копьями в бока, но моя прочная кожаная куртка сводила на нет все их усилия.

Я решил, что разумнее будет лежать спокойно, молчать и ждать ночи: может быть, тогда мне удастся найти какой-ни-

будь выход.

Глава вторая

Гулливера накормили и под усиленной охраной отправили в столицу

Между тем количество окружавших меня крошечных человечков всё увеличивалось, и мне казалось, что поблизости жужжит пчелиный рой. Затем справа раздался стук и продолжался около часа. Повернув голову насколько возможно, я увидел напротив своего лица помост, верх которого находился приблизительно на уровне моего носа. Один из человечков, по-видимому, очень знатный, поскольку паж нёс за ним длинный шлейф, взошёл на трибуну и заговорил. Речь его была длинная, понять её я, конечно, не мог, но запомнил фразу, которую знатный господин в начале речи трижды прокричал похожим на щебетание канарейки голосом: «Лангро дегуль сан!» По интонации, жестам, грозному движению бровей я всё-таки догадался, что меня о чём-то предупреждают и даже, похоже, в случае сопротивления обещают применить силу.

Я хотел было ответить, но от первых же произнесённых мною звуков трибуна зашаталась, а стоявшие вокруг знатной особы человечки поспешили зажать ладошками уши. Тогда я перешёл на шёпот, произнёс несколько смиренных слов и поднял к небу свободную руку, призывая солнце в свидетели своих добрых намерений. После этого я постарался объяс-

нить им, что страшно голоден: подносил несколько раз палец ко рту и делал жевательные движения челюстями. Гурго — так называют всех важных господ, как я потом узнал, — меня понял; тотчас к моему туловищу были приставлены лестницы, и более ста человек стали подносить мне разные яства: множество окороков, жареных баранов, разрубленных пополам, и волов, разрубленных на четверти. Всё было превосходно приготовлено и очень вкусно.

Я проглатывал по два-три блюда разом и заедал мясо целыми караваем хлеба, которые были не больше некрупной вишни. Человечки стояли вокруг, кричали и махали руками, изумляясь моему аппетиту, а каждый раз, когда у меня во рту исчезала половина барана, смеялись и хлопали в ладоши.

После еды мне захотелось пить, и я жестами дал человечкам об этом знать.

Они тотчас притащили громадный, по их понятиям, кубок величиной не больше напёрстка. О нём у туземцев сложилась легенда, что когда-то некий музыкант выпил его залпом. Они поняли, что тех нескольких капель, что его наполнили, мне не хватит, и подкатили бочку, вмещающую около половины чайной чашки. Я осушил её одним глотком и попросил вторую, затем третью, но мне не дали, так как больше у них не оказалось. Пока я пил, туземцы с криками радости танцевали у меня на груди и то и дело повторяли: «Геки-на дегуль!» Жестами они попросили сбросить пустые бочки

вниз, но вначале предупредили тех, кто был внизу, криками «Бора мевола!» Когда бочки взлетели в воздух, все дружно прокричали: «Гекина дегуль!» Когда ни есть, ни пить стало нечего, человечки вновь вскарабкались на меня и, выражая своё удовольствие, принялись плясать у меня на животе.

Меня так раздражала щекотка, что несколько раз я порывался схватить в горсть этих назойливых визитёров и бросить на землю, но вовремя одумывался: во-первых, я пообещал им не сопротивляться, а во-вторых, они меня накормили и следовало выказать им благодарность за гостеприимство. Кроме того, несмотря на свои ничтожные размеры, они

могут быть весьма воинственными: их стрелы уже дали мне это почувствовать.

Пока я всё это обдумывал, высокопоставленный господин с большим свитком в руках взобрался ко мне на бедро, добрался до груди и, оказавшись в зоне видимости, развернул императорскую верительную грамоту. Показав её мне, он заговорил и проговорил минут десять, всё время указывая при этом куда-то вдаль, в ту сторону, где, как я потом узнал, находилась столица и резиденция их императора. Я жестами

дал ему понять, что будет лучше, если меня просто отпустят, но он отклонил это решительным движением головы.

Наконец гурго и его свита любезно раскланялись и удалились, и тут же множество человечков кинулись ко мне, то и дело выкрикивая «Пеплом селан!» Верёвки, удерживавшие меня, развязали, а ранки от стрел смазали чем-то целительным, так что зуд и боль сейчас же исчезли, и я смог заснуть.

Проспал я, как мне сказали потом, восемь часов: оказалось, к вину, что я выпил, подмешали какое-то снотворное средство. Пока я спал, человечки начали подготовку к перевозке меня в свою столицу. Несомненно, это было для них делом непростым: шутка ли, переправить такого великана в резиденцию самого императора! – но человечки эти оказались прекрасными математиками. Благодаря поддержке своего императора, который покровительствовал наукам, они достигли выдающихся успехов в механическом деле: научились делать машины на колёсах не только для перевозки людей, но и для леса и других тяжестей. Они также строят громадные военные корабли. Верфи находятся в местах, где есть строевой лес, а оттуда корабли на машинах перевозят к морю.

Итак, чтобы меня перевезти, пятьсот плотников и инженеров соорудили удивительную платформу: длина её равнялась моему росту, а высота достигала трёх дюймов. Эта платформа была установлена на двадцать два колеса.

После этого в землю около меня вбили восемьдесят ко-

льев, снабжённых блоками; всё моё тело обвязали крепкими канатами и перекинули их через блоки. Девятистам рабочим пришлось около трёх часов тянуть канаты, чтобы поднять меня, но я так крепко спал, что ничего не чувствовал. Всё это я узнал позднее из рассказов. Чтобы перевезти меня, потребовалось полторы тысячи самых сильных ломовых лошадей размером едва ли не с мою ладонь.

От столицы нас отделяло расстояние, которое я мог бы пройти менее чем за час; мы же ехали целый день, ночью останавливались в лесу для отдыха, потом опять ехали. Во время ночёвки возле меня стоял караул – по пятьсот гвардейцев с каждой стороны: одни – с факелами, другие – с луками, готовые стрелять при первой же моей попытке двинуться с места. К полудню следующего дня до города оставалось не больше полутора сотен средних человеческих шагов. К нам навстречу вышел сам император Бимбул XVII со своей супругой Цимпиллой и всем двором. Храбрый император попытался было тотчас же взобраться на меня, но супруга и придворные принялись заклинять его не подвергать свою драгоценную жизнь такой опасности. С неохотой уступив их просьбам, он отказался от своего рискованного намерения.

Там, где мы остановились, находился величественный старинный храм, но в нём уже давно не совершали богослужений. Ворота его оказались настолько высоки, что я смог пролезть в них на четвереньках, а внутри было достаточно просторно, чтобы можно было свободно растянуться. Тридцать шесть слесарей приковали мою левую ногу к дверям храма — для этого понадобилась девяносто одна цепь вроде обычной дамской цепочки. Напротив храма стояла башня высотой немного ниже моего роста. На эту башню и поднялся император со своей свитой, чтобы лучше разглядеть пленника. Толпа маленьких человечков, собравшаяся посмотреть на меня, насчитывала никак не меньше сотни тысяч, и, наверное, с десятков тысяч из них успели погулять по моему телу. Каждый человечек был не тяжелее нашего обыкновенного письма, а четверо весили приблизительно столько же, сколько одно среднее куриное яйцо. Новорождённый был не тяжелее не очень крупной ягоды крыжовника. Присутствие всей этой толпы, помещавшейся на мне, было бы вполне терпимым, если бы только они вели себя поделикатнее. Многие даже не потрудились вытереть башмаки, прежде чем на меня взобраться, а кроме того, бесцеремонно хлопали и тыкали меня своими палками и тросточками. Некоторые забывались настолько, что стучали по моему лбу, залезали в карманы, в складки одежды, взбирались на нос, как на башню, чтобы насладиться оттуда красивым видом. Один, самый дерзкий, вскарабкавшись ко мне на нижнюю губу, по-види-

мому, обсуждал с другим, поместившимся на верхней, какова ширина моего рта. Это мне показалось особенно скучным, я не вытерпел и зевнул, и они с криками ужаса бросились бежать. При дыхании грудь и живот у меня равномерно поднимались и опускались, и у многих человечков началось что-то вроде морской болезни, а когда одна неосторожная дама сломала себе ногу, нечаянно попав в петлю моего жилета, император опубликовал указ, который под страхом смертной казни запрещал взбираться на меня без особого на то разрешения. Верёвки, которыми я был привязан к телеге, с меня сняли лишь после того, как со всеми предосторожностями и самым тщательным образом приковали цепями за левую ногу. И только тогда, в первый раз с тех пор, как попал в эту страну, я смог подняться во весь рост. Общий крик изумления вырвался из уст собравшейся толпы. Человечки понимали, что я настоящий великан, но всё же не могли себе представить насколько. Прошло довольно много времени, прежде чем они пришли в себя и успокоились.

Так как цепи позволяли мне удаляться на расстояние не более трёх футов и я мог лечь внутри храма, моё жильё можно было сравнить с хорошей собачьей конурой.

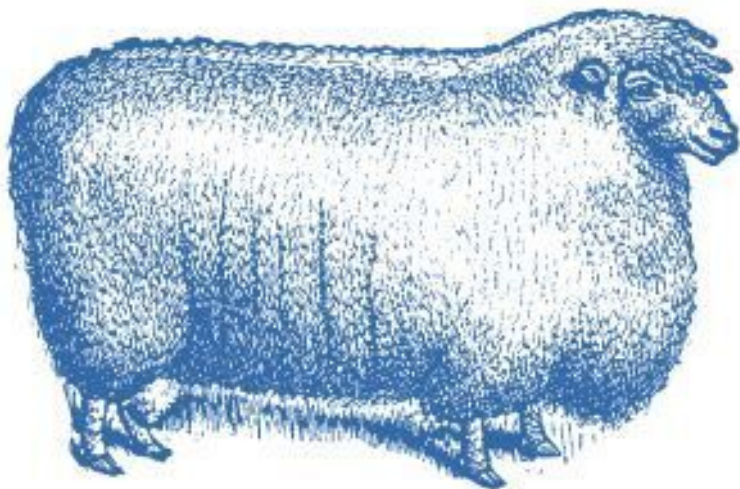
Глава третья

Страна лилипутов и её повелитель. Как Гулливер вызвал общее волнение, а затем снискал себе полное расположение

Поднявшись на ноги, я мог окинуть взором громадную часть страны, и это зрелище перенесло меня в далёкие времена, когда, будучи ребёнком, на полу одной из больших комнат нашего дома строил точно такие же города, как столица страны, лежавшая теперь передо мной. Вся страна напоминала клумбу. Тут были поля и пастбища – одни величиной с шахматную доску, а другие даже достигали размеров самой большой скатерти моей матери, – леса, которые нельзя было бы накрыть четырьмя широкими простынями. В ближайшем лесу я заметил старые вековые деревья, прямо-таки громадные – высотой с нашего мальчика-подростка! Размеры животных соответствовали, конечно, всему остальному. Лошади и коровы были приблизительно с белку, не считая хвоста; гуси не превосходили нашего крапивника; мухи казались едва заметными точками, а блохи были хоть и не видимы простым глазом, но присутствие их чувствовалось не меньше наших. У всех жителей этой страны очень хорошее зрение, но лишь на близком расстоянии: они могли видеть, как мухи чистят себе хоботок, и, конечно, солнце и луну, но из звёзд им удавалось разглядеть только ближайшие и те, блеск которых был особенно ярок. Бесконечные россыпи

далёких звёзд для них не существовали вовсе.

Пока я обводил взглядом раскинувшуюся передо мной страну, ко мне приблизился верхом на лошади сам император со своей свитой, и тут едва не случилось несчастье: лошадь императора, хоть и была прекрасно выезджена, всё же испугалась, увидев меня, и встала на дыбы. К счастью, император, прекрасный наездник, сумел удержаться в седле.

Тут же он приказал накормить меня и напоить, и вскоре подкатило двадцать телег с пищей и десять – с напитками. Я поднимал их одну за другой и опустошал, вытряхивая содержимое прямо в рот. Все опять безмерно удивлялись, а императрица и несколько принцесс, которые присутствовали при этом зрелище, морщили свои крошечные – величиной не больше муравья – носики.

Когда я закончил обед, император подошёл ко мне так близко, что я хорошо смог его разглядеть. Чтобы видеть его ещё лучше, даже лёг на бок, поэтому могу хорошо его описать, тем более что позднее часто держал его в руках. Фигура

императора внушала глубокое почтение: он был выше всех своих подданных на ширину моего ногтя; осанка его поражала величием и достоинством, несмотря на преклонный возраст — двадцать восемь лет (в этой стране живут не так долго, как у нас; учиться дети начинают в два года; девушки могут вступать в брак в двенадцать, а юноши — в пятнадцать лет). Черты лица императора отличались мужественностью и выразительностью. Особенное впечатление производила слегка отвислая нижняя губа и орлиный нос. Голос его, хотя и тонкий, всё же звучал отчётливо и ясно. Одет он был просто и благородно: голову покрывал золотой шлем, украшенный драгоценными камнями, с султаном развевавшихся перьев. Меч императора, рукоять и ножны которого тоже были щедро украшены золотом и драгоценными камнями, был длиной с большую швейную иглу, и он всё время держал его наготове, чтобы защищаться, если бы в этом возникла необходимость. Его многочисленная свита была так пёстро и красиво одета, что казалось, будто по земле разостлано роскошное, богато вышитое дамское бальное платье. Его величество говорил со мной очень долго и снисходительно, а я отвечал почтительно и скромно, но мы совершенно не понимали друг друга.

Наконец император призвал на помощь множество учёных – их легко было узнать по одежде. На каких только языках я к ним ни обращался: на английском, французском, итальянском, латинском, греческом, на всех наречиях немецкого языка, – ничего! Никто меня не понимал. Часа через два двор удалился, и я остался под усиленной охраной, которая должна была защищать меня от любопытства, грубости и злобы толпы. И действительно: не прошло и часа, как в меня стали бросать камни – сначала по одному-два, а потом помногу. Начали даже пускать в меня стрелы, и одна чуть не выбила мне глаз. Тогда начальник стражи велел схватить шестерых зачинщиков и выдать мне. Я поднял их и пятерых засунул в карман, а шестого взял в левую руку, как будто со-

бирался съесть.

Бедняжка запищал от страха, как кролик, которого ухватила лиса, а когда я вынул из кармана нож, который был вдвое длиннее, чем сам преступник, то все оцепенели от ужаса. Но я только разрезал цепи бунтовщика, поставил его на землю и дал ему легкого пинка согнутым пальцем. Прodelав с остальными то же самое, я заметил, что это произвело

благоприятное впечатление на толпу и солдат: все они явно ко мне расположились.

Первые две недели, что я прожил в храме, мне пришлось спать на голой земле, но всё это время мне готовили постель. Сто пятьдесят перин были пришиты одна к другой, и получилась одна большая перина нужной для меня длины и ширины. Пришлось также положить друг на друга четыре слоя таких перин, то есть всего их понадобилось шесть сотен.

Таким же образом для меня изготовили простыни, одеяло

и подушки, но всё же спать было жестковато. Между тем всё новые толпы из разных концов государства ежедневно приходили подивиться на меня, из-за чего жизнь замерла: торговля остановилась, промышленность упала. Сапожники не шили больше обувь, а портные – платья; булочники перестали печь хлеб, а крестьяне доить коров; школьники не ходили в школу, а женщины забыли про хозяйство. Все побросали свои дела, чтобы взглянуть на небывалое чудовище. Тогда император издал указ, по которому те, кто уже видел меня, должны были немедленно возвратиться в свои края и ни в коем случае не приходить ещё раз. Только эта мера не помогла: чиновники брали взятки и позволяли пробираться ко мне всем, кому заблагорассудится. Тотчас по возвращении в столицу император собрал государственный совет, и вокруг моей персоны разгорелись нешуточные споры: всех пугали опасности, которым я мог подвергнуть страну.

– А вдруг он вырвется! – говорили некоторые члены совета. – Ведь одним движением руки он может разрушить целые города; одного его шага достаточно, чтобы уничтожить все наши посевы, чтобы подавить население!

– Это можно было бы предотвратить, – отвечали другие, – мы не беззащитны. Но проблема в том, что его нужно кормить. Если он продолжит поглощать такое количество пищи ежедневно, то рано или поздно в стране начнётся голод!

Тогда один из членов совета предложил просто уморить меня голодом, а другой – убить отравленными стрелами.

– А куда мы денем тело? – спросил кто-то. – Разложение этого исполинского трупа вызовет эпидемию!

Во время этих рассуждений в зале заседаний появились два офицера охраны и доложили императору о моём гуманном поступке с шестью возмутителями спокойствия.

Это известие произвело такое впечатление на всех собравшихся, что император – с ним согласился и совет – приказал гражданам, проживавшим поблизости от храма, доставлять мне ежедневно шесть голов крупного рогатого скота, сорок баранов, а также всякое другое мясо, триста хлебов, десять бочек вина и всё прочее. Оплата всех этих затрат должна была производиться из императорской казны. Чтобы служить мне, были наняты шестьсот человек, которые вскорости и поселились в многочисленных палатках вокруг храма.

Количеству прислуги не стоит удивляться: ведь чтобы вычистить один мой башмак, требовалось пятнадцать человек, а чтобы заштопать небольшую дыру на чулке, приходилось

привлекать к работе двенадцать подмастерьев под руководством мастера.

Нужную для умывания воду подвозили, конечно, на лошадях; вместо таза мне дали бассейн для плавания, а мыльную пену для бритья я разводил в большом котле. Ужасно смешно было смотреть, как чистили мой сюртук: для этого у ворота прикрепляли несколько канатов, и по ним крошечные люди со щётками карабкались вверх-вниз, как наши маляры, когда красят дом.

Моё платье, в общем, не нравилось жителям страны: они были недовольны, что я одет не по их моде, — а ещё им, очевидно, казалось неприличным, что шея и руки мои чуть выше кисти были открыты. Вот и решили они сшить мне новый костюм, для чего были призваны триста портных.

Чтобы снять мерки, к моей спине приставили громадную — до самой шеи — лестницу. Один из портных взобрался на самую верхнюю ступеньку и спустил на шнурке свинцовую гирьку, чтобы определить, какой длины должен быть пиджак. Другие портные в это время снимали мерки для рукавов, измеряли ширину груди, спины и объём талии. Двести портных должны были сшить бельё. Все эти швейных дел мастера были худые и тонкие, как стрекозы, и прыгали вокруг меня с ловкостью кузнечиков. Самое грубое полотно, которое портнихи использовали для моего белья, было не толще плёнки, что покрывает яйцо под скорлупой, а самое тонкое было прозрачно, как легкий туман, и разрыва-

лось от малейшего моего дуновения. Портнихи умели плести из него удивительное по тонкости кружево. Чтобы сшить для меня бельё, приходилось, конечно, сшивать один с другим множество слоёв самого грубого полотна, и тогда получались довольно прочные рубашки и простыни. Особое удовольствие доставляло смотреть, как портнихи вдевали невидимую для меня нитку в невидимую иглу, как потом делали невидимый узелок на нитке и, закончив шов, откусывали нитку зубками.

Глава четвёртая

Нашего героя подвергли тщательному досмотру

Чтобы дать мне возможность скорее выучить язык страны, император предоставил в моё распоряжение семерых самых лучших наставников. Было также приказано, чтобы рядом со мной ежедневно объезжалось как можно больше лошадей. Это делалось для того, чтобы животные поскорее привыкли к виду движущейся башни, то есть меня, и перестали пугаться.

Изучение иностранных языков всегда давалось мне легко, поэтому и здесь я быстро добился успеха. Император сам иногда присутствовал на уроках и помогал мне, так что очень скоро я уже мог довольно свободно объясняться с ним. Так я узнал, что оказался на острове, а государство это называется Лилипутией. Я, конечно, не раз умолял императора вернуть мне свободу, даже смиренно становился перед ним на колени, но он объяснил, что эта просьба может быть удовлетворена только со временем и что это в значительной степени зависит от меня самого, от моего поведения. Во всяком случае, я должен был прежде торжественно поклясться, что настроен мирно и испытываю дружеские чувства к жителям страны. Кроме того, предварительно вооружившись терпением, я должен был позволить им обыскать все мои карманы.

– Я хорошо знаю, – прибавил император, – что мы можем

это предпринять только с вашего согласия, поэтому рассчитываю на ваше великодушие и чувство справедливости. Всё, что будет изъято ради безопасности, вы получите обратно, перед тем как покинуть нашу страну, или же вам будет возмещена стоимость этих вещей.

Мне, конечно, ничего не оставалось, кроме как согласиться. Я с подобающей вежливостью принял пришедших ко мне двух чиновников и по очереди засунул в каждый карман. Они тщательно обыскали меня с головы до ног и представили императору отчёт, который я привожу здесь.

«После самого основательного, точного и добросовестного досмотра нами были найдены в карманах Человека-Горы (я так перевёл употреблённые в отчёте слова «Куинбус Флестрин») следующие предметы (их мы подробно перечисляем и описываем):

1. Кусок грубого холста того сорта, из которого мы изготавливаем большие паруса, величиной с ковёр, что покрывает парадный зал вашего величества (**это был мой носовой платок**).

2. Большой серебряный ящик, крышку которого мы не смогли поднять даже совместными усилиями, поэтому приказали это сделать Человеку-Горе. После этого, как честно исполняющие свой долг чиновники, мы влезли в ящик и тотчас провалились по колено в тёмную пыль. Она распространяла такой ужасный запах, что нам пришлось вылезти и

прервать дальнейшие изыскания на полчаса, поскольку мы неудержимо чихали. Мы посчитали эту пыль страшным оружием в руках Человека-Горы. Если бы он вздумал рассыпать её по резиденции вашего величества, то вся жизнь, промышленность и торговля остановились бы и государственный строй нарушился, потому что все жители поголовно стали бы неудержимо и долго чихать (**это была моя табакерка с нюхательным табаком**)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.